

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Уроки экономики от Джека Лондона

Народная самооборона

15 Декабря 2017

Народная самооборона
Уроки экономики от Джека Лондона
15 Декабря 2017

Скопировано 2017-12-16 с
<https://naroborona.info/2017/12/15/uroki-ekonomiki-ot-dzheka-londona/>

ru.theanarchistlibrary.org

Сегодня в оппозиционной среде популярны либеральные, прорыночные взгляды. Каждый мнит себя атлантом-предпринимателем, стоящим над народной массой. Все в один голос кричат о рынке, конкуренции, собственности и праве капиталиста присваивать прибыль и производимые блага... И вместе с тем эти же люди возмущаются, что все богатства страны сосредоточены в руках небольшого количества олигархов. Это неправильный капитализм, говорят нам такие «оппозиционеры». При правильном капитализме всё не должно находиться в руках нескольких корпораций, но должно быть распределено между множеством собственников, конкурирующих друг с другом на рынке.

Только такие люди не задумываются, что любая борьба, любая конкуренция рано или поздно заканчивается победой одной из сторон. И победитель получает часть рынка, которую занимал проигравший. Затем различные победители вступают в уже борьбу друг с другом... и так до

конца. Это как в горце, помните? «Должен остаться только один». Вот этот вот конечный победитель и получит всё, сконцентрирует всю власть и все богатства в своих руках, и за эпохой конкуренции придёт эпоха корпораций. Так произошло не только в России, но и во всём мире – несколько корпораций уже владеют всей мировой экономикой. Представьте рыбу, пожирающую мелкую рыбешку. И тут эту хищную рыбу съедает рыба покрупнее. Ту – еще крупнее. Эта рыба пожирается настоящей акулой капитализма, которую, в свою очередь, пожирает совсем уж крупный гигант. Вот это и есть капитализм. И твоё место здесь – всегда место съеданного, независимо от того, на самом ты низу, мелкая рыбёшка, или хищная рыба покрупнее – всегда найдётся кто-то крупнее и зубастее тебя.

Либеральные оппозиционеры же не желают понимать, что это – закономерный результат рыночной конкуренции. Они желали бы отмотать состояние капитализма назад, к первоначальной конкуренции, и заморозить историю, заморозить развитие капитализма и экономики – чтобы капитализм вечно находился в этом зачаточном состоянии конкуренции. Но так не бывает. История не стоит на месте. Всё в этом мире развивается. И капитализм в своём развитии неизбежно приходит в концентрации капитала в руках немногих.

Логика же тех, кто мечтает о вечной конкуренции без вмешательства более крупных игроков, была описана еще в начале прошлого века великим писателем Джеком Лондоном в его романе «Железная Пята». Революционер Эрнест обращается там к таким «оппозиционерам», мелким капиталистам, и разъясняет, как работает капитализм.

— Вы желаете играть в игру, именуемую бизнесом, по старинке. Смысл жизни вы видите только в наживе. Каждый из вас уверен, что родился

на свет с единственной целью — наживаться. И вдруг — заминка! В самом разгаре погони за наживой появляется трест и похищает у вас ваши прибыли. Для вас это катастрофа, нарушающая гармонию мироздания, и, по-вашему, существует один только выход — уничтожить то, что мешает вам наживаться. [...] Сами же вы признаете, что трестовская машина работает и дешевле и производительнее вашего; конкурировать с ней вам не под силу, — вот вы и жаждете ее уничтожить. [...] А пока вы тщитесь вернуть век конкуренции, тресты преспокойно расправляются с вами. Все вы говорили здесь, в сущности, одно и то же: уходит век конкуренции, и на смену ему идет век концентрации производства. Вы, мистер Оуэн (представитель фирмы «Силверберг, Оуэн и К°», большой бакалейной торговли с несколькими филиалами), убили конкуренцию в Беркли, открыв у нас один из своих филиалов, — ваша фирма оказалась сильнее торговавших здесь мелких лавочников. Но есть объединения и посильнее вашего — это тресты. Стоит вам почувствовать их давление, как вы кричите: «Караул, грабят!» Однако это только потому, что сами вы не трест. Будь вы единственный бакалейщик-монополист на все Соединенные Штаты, вы бы не так рассуждали, вы кричали бы: «Да здравствуют тресты!» [...] Вы понимаете, что вы и ваши филиалы только пешки в большой игре. Вы видите, как вырастают вокруг могущественные силы, как они крепнут день ото дня — и неуязвимые, закованные в броню руки тянутся к вашим прибылям, вырывая клочок то тут, то там. Железнодорожный трест, угольный,

нефтяной, стальной. Вы знаете, что вам несдобровать, что они отнимут у вас ваши прибыли — все, до последнего цента. Как видите, сэр, вы незадачливый игрок. Когда вам удалось раздавить своих мелких конкурентов здесь, в Беркли, в силу преимуществ вашего синдиката, — успех вскружил вам голову. Вы только и говорили что о предприимчивости и деловитости. Так уж водится, что хищник пожирает хищника, — вот и вы слопали своих предшественников. Но, на вашу беду, есть хищники и покрупнее, — и вам предстоит попасть им на завтрак. Потому-то вы и вопите. А с вами вопят все сидящие здесь. Они в таком же положении. У всех у вас на руках плохая карта, вот вы и жалуетесь. Но, жалуясь, вы отказываетесь смотреть правде в глаза и называть вещи своими именами. Вы не говорите, что сами заритесь на чужие прибыли и только не хотите, чтобы кто-то зарился на ваши. Нет, для этого вы слишком хитры. Вы говорите другое. Вы произносите политические речи в защиту мелких капиталистов [...] Все, что вам нужно, — это грабить ближнего в меру своих сил — полегоньку да потихоньку, и вы на этом основании вообразили себя борцами за свободу. Вы самые обыкновенные плуты и стяжатели, но под магическим действием красивых фраз готовы возомнить себя патриотами. Свою жажду прибылей, проистекающую из чистейшего эгоизма, вы выдаете за бескорыстную заботу о страдающем человечестве. [...] Спрашивали вы себя, что будет с вами, когда появятся объединения покрупнее нынешних трестов? Где вы окажетесь, когда наши огромные тресты начнут сливаться в такие

жит правительству. Но кто же в наше время контролирует правительство? Двадцать миллионов американских рабочих? Видите, вам смешно при одной этой мысли. Или восемь миллионов представителей среднего класса? Нет, они так же тут ни при чем, как и пролетариат. Тогда кто же контролирует правительство? Плутократия численностью в каких-то жалких четверть миллиона? Нет, и эта четверть миллиона не контролирует правительство, она только служит ему не за страх, а за совесть. Контролирует правительство мозг плутократии — семь небольших, но чрезвычайно влиятельных групп (еще в 1907 году принято было считать, что Соединенными Штатами управляют одиннадцать могущественных групп, но после того как пять железнодорожных трестов слились в единую железнодорожную корпорацию, число их снизилось до семи.). [...] Ваши двадцать четыре миллиарда не дают вам и на двадцать пять центов политической власти. Ваша власть — пустая видимость, детская погремушка, которую скоро у вас отнимут. Вся политическая власть в наши дни в руках у плутократии. Это она издает законы: сенат, конгресс, суды и законодательные палаты штатов отданы ей на откуп. Но этим дело не ограничивается. Закон должен опираться на силу. И плутократия не только издает законы, она и обеспечивает их выполнение — к ее услугам полиция, армия, флот и, наконец, национальная гвардия; иначе говоря, и вы, и я, и все мы, вместе взятые.

организации, какие нынешним и не снились, — пока над вами не воздвигнется единый социальный, экономический и политический трест? [...] Разве вам и вашим единомышленникам не приходится сколачивать новую политическую партию, потому что старые в руках у трестов? И разве ваша пропаганда не встречает с их стороны упорного сопротивления? За каждым провалом, за каждым препятствием на вашем пути, за каждым ударом, нанесенным вам из-за угла, разве не чувствуете вы руку трестов? [...]

Я покажу вам то, что отнюдь не мечта, — олигархию, или, употребляя более привычное вам слово, плутократию. В обоих случаях имеется в виду владычество крупного капитала или трестов. Разберемся, кому в наши дни принадлежит власть. [...] Общество состоит из трех крупных классов. Это плутократия — богатейшие банкиры, железнодорожные магнаты, заправилы корпораций и трестов; далее идете вы, господа, средние классы — фермеры, коммерсанты, мелкие промышленники, люди свободных профессий; и, наконец, мой класс — пролетариат, представители наемного труда. Вы не станете отрицать, что в наши дни в Соединенных Штатах власть является прерогативой богатства. Но как же распределяются национальные богатства между этими тремя классами? Вот цифры: владения плутократии оцениваются в шестьдесят семь миллиардов. Плутократия составляет всего лишь девять десятых процента взрослого населения США, а между тем семьдесят процентов национального достояния принадлежит

ей. Средний класс владеет имуществом стоимостью в двадцать четыре миллиарда. Средний класс представляет двадцать девять процентов взрослого населения США, при этом он владеет двадцатью пятью процентами национального достояния. Остается пролетариат. Пролетариату принадлежит имущество стоимостью в четыре миллиарда. По численности он составляет семьдесят процентов взрослого населения США, а между тем на его долю падает только четыре процента общенационального достояния. Какому же классу принадлежит власть, господа? [...] Ваша же сила мнимая. Вы можете в любую минуту ее лишиться. Уже сейчас плутократы понемногу теснят вас. Пройдет время — и ее как не бывало. И тогда вы перестанете быть средним классом. Вы опуститесь до нас, сделаетесь пролетариями. И — что самое забавное — умножьте наше число, укрепите наши ряды. [...] С рабочих, как видите, ничего не возьмешь. [...] Вы же самые настоящие, заправские богачи, у вас двадцать четыре миллиарда, — есть чем поживиться! Плутократия и экспроприирует их, если только — что вполне возможно — ее не опередит пролетариат! Итак, господа, уразумели вы свое положение? Средний класс — это тщедушный ягненок между львом и тигром. Ушел от одного — как раз попадешь в пасть другому. [...] Даже и сейчас ваша власть уже несоизмерима с вашим богатством. Могущество, на которое вы притязаете, — пустой мираж. Вот почему вы и провозгласили свой смехотворный клич: «Назад к предкам!» Вы страдаете бессилием и сами это знаете. Возьмите фермеров. Какая же

это сила? Большая их часть рабы, рабы аренды или закладной. И все они вместе — рабы трестов, которым принадлежат или под чьим контролем находятся (что почти равнозначно) средства вывоза и сбыта урожая: холодильники, железные дороги, элеваторы, пароходы. Мало того, тресты контролируют и рынки сбыта. Во всем этом фермеры — пешки. [...] Тресты разоряют и торговцев. Помните, как табачный трест в течение полугода в одном только Нью-Йорке заставил закрыться четыреста табачных лавок? Где прежние владельцы угольных копей? [...] Мелкие промышленники недалеко ушли от фермеров. И те и другие сведены на положение феодальных держателей. Да и так называемые представители свободных профессий свободны только по названию, — это холопы. А политики разве не послушные клеветы? [...] Я назвал представителей свободных профессий и искусства холопами. Как же их еще назвать? Все, все они — профессора, проповедники, журналисты — на службе у плутократии; служба же их в том, чтобы проповедовать идеи либо вовсе безвредные, либо угодные правящему классу. Стоит им выступить в защиту идей, неугодных властителям, как их лишают работы. Если они ничего не припасли себе про черный день, им одна дорога — вниз, к пролетариату. [...] Не забудьте, что печать, церковь и университет определяют общественное мнение страны, задают тон ее умственной жизни.

Однако само по себе богатство еще не власть, это лишь средство к власти, — власть принадле-